

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ВЕЧЕРНЯЯ МОСКВА

14 ИЮЛЯ 1939 Г.
ПЯТНИЦА
№ 159 (4688)
Цена 10 коп.

ГАЗЕТА МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО КОМИТЕТА ВКП(б) И МОССОВЕТА

АНТОН ПАВЛОВИЧ ЧЕХОВ

К 35-ЛЕТИЮ
СО ДНЯ СМЕРТИ

других, Чехов беспощадно высмеивал пресмыкательство слабого перед сильным, превращение человека в тряпку, отсутствие уважения к себе.

В чеховском смехе много гнева и скорби. Он в несравненно большей степени сатирик, чем юморист.

В большинстве произведений Чехова смех уничтожает, превращает объекты в грязь, пыль. Таковы рассказы «Хамелеон», «Унтер Пришибеев», «Дочь Альбиона», «Свишусты», «Упразднили», «Тряпка», «Смерть чиновника», «Маска», «Тяжелые люди» и т. д. Сыты ли то «культурный» помещик, бесперемонно обнажающийся в присутствии

нему по теме «Случай из практики». И там и здесь представители буржуазии — фабриканты. Чехов отнюдь не старается изобразить их злодеями, нравственными уродами. Нет, люди, как люди, способные даже и на добрый поступок, деликатные в личных отношениях. Но читателю ясно, что весь строй их жизни — это организованное рабовладельчество и что всякие попытки добиться при этом строе подлинно человеческих отношений обречены на неудачу. В «Случае из практики» доктор, приглашенный к заболевшей владелице фабрики Ляликовой, подытоживает свои впечатления: «Тысячи полторы-две фабричных работают без отдыха, в неадекватной обстановке, делая плохой ситец, живут впроголодь и только изредка в кабаке отравляются от этого кошмара; сотня людей надзирает за работой, и вся жизнь этой сотни уходит на исправление штрафов, на брань, на оправдание, и только двое-трое, так называемые хозяева, пользуются выгодами, хотя совсем не работают и презируют плохой ситец».

Или вот ряд рассказов Чехова, изображающих интеллигенцию: «Учитель словесности», «Моя жизнь», «Человек в футляре», «Ионыч» и другие. Как здесь все тихо, мирно, прилично. Благовоствующие люди наносят друг другу визиты, устраивают любительские спектакли, музыкальные вечера. Но все это — тонкий слой лака, покрывающий гнилу, отвратительную сердцевину.

В редких случаях представители интеллигенции, изображенной Чеховым, начинают догадываться, как ничтожен круг их интересов.

В одном из сильнейших рассказов Чехова «Крыжовник» герой его обобщает строй всей современной ему жизни: «наглость и праздность сильных, невежество и скотоподобие слабых, кругом бедность невозможная, теснота, вырождение, пьянство, лицемерие, вражда... Между тем во всех домах и на улицах тишина, спокойствие; из пятидесяти тысяч, живущих в городе, ни одного, который бы воскликнул, громко возмутился. Мы видим тех, которые ходят на рынок за провинцией, днем едят, ночью спят, которые говорят свою чепуху, женятся, стараются, благодушно тащат на кладбище своих покойников; но мы не видим и не слышим тех, которые страдают, и то, что страшно в жизни, происходит где-то за кудисами. Все тихо, спокойно, и протестует одна только немая статистика: столько-то с ума сошло, столько-то, велер выпито, столько-то детей погибло от недоедания...».

Рассказы Чехова производили исключительно сильное впечатление.

Не подлежит сомнению, что и для нас, людей советской эпохи, чеховское наследие представляет глубокий интерес. Оно вводит нас в историческое познание той жизни и того строя, которые были ниспровергнуты революцией.

В окружающей нас жизни осталось немало пережитков того, что изображал Чехов. Его рассказы помогают нам яснее видеть и узнавать эти остатки затхлого прошлого, а стало быть и бороться с ними, искоренять их и в других и в себе самих.

Язык, стиль, приемы Чехова как писателя не только в наши дни, но еще на долгие годы будут служить непревзойденными образцами, простотным примером того, что простота и ясность являются самой существенной чертой подлинного глубокого реалистического искусства.

А. ДЕРМАН.

губернантки-иностранки («Дочь Альбиона»), добровольный ли то сыщик Пришибеев, мыслящий себе «порядок» в форме всеобщего и поголовного опеченения («Унтер Пришибеев»), прапорщик ли то Вывертов, который самого себя перестает считать человеком после управления присвоенного ему звания прапорщика («Упразднили»), чиновник ли то, умерший от тремета, после того как нечаянно чихнул генералу на лысину («Смерть чиновника»), учитель ли гимназиста Беликов, не только сам всю жизнь проживший в страхе — «как бы чего не вышло», но внушивший тот же страх населению целого города («Человек в футляре»), — все равно, в рамках правдоподобного реалистического изображения невозможно представить ничего более ничтожного и отвратительного. Рассказы Чехова — это живучее и яркое изображение быта и нравов дореволюционной России.

Чеховские образы живучи. Мы говорим, что Россию душили «унтеры Пришибеевы», что в русском чиновнике и обывателе куталась душа «хамелеона», что целые поколения русских детей калечились «человеками в футлярах». Чтобы заклеймить, именно заклеймить, а не беззлостно пожуричь, политическую трусость, политическую безличность, политическое ослепление, к ним прилагается эпитет чеховской Душечки, чеховского «как бы чего не вышло».

Чехов глубоко и остро изображает современную ему жизнь. Вот рассказ «Бабы царство» или родствен-

ных, где жила в то время его семья. Он поступил в университет на медицинский факультет. В поисках средств к существованию Антон Павлович стал писать короткие рассказы для юмористических журналов. Его рассказы и очерки имели успех, он стал писать больше. От мелких очерков и рассказов Чехов постепенно перешел к более значительным, потом и к крупной повести («Степь»), стал работать для театра (пьеса «Иванов»). К началу 90-х годов Чехов становится любимейшим русским писателем. Появление таких произведений, как «Скучная история», «Палата № 6», «Учитель словесности», «Моя жизнь», «Мужики», «Человек в футляре», «Душечка», «В овраге», «Невеста» и др., приобретает значение крупных литературных событий. Вокруг имени Чехова закипают горячие литературные споры, его произведения начинают переводить на иностранные языки, его пьесы в постановке Московского Художественного театра — «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры», «Вишневый сад» — совершают настоящий переворот в театральном искусстве.

Пристальные Чехову методы раскрытия характеров заставили молодой тогда Художественный театр по-новому анализировать целеустремленность произведений. Актеры стали работать усиленней над раскрытием внутренних, психологических процессов.

В своих произведениях Чехов дал правдивое и глубокое изображение жизни современного ему общества. Бездушные мецанские порядки, полное невинание к человеку, презрение к его достоинству, чиновничество, подхалимство, пошлость, торжество сильного над слабым, богатого над бедным, погоня за наживой, карьеризм, лицемерие, грубость, темнота — все это лежало тогда тяжким гнетом на всей русской жизни. Уже в ранних своих мелких очерках, как, например, в «Хамелеоне», «Толстом и тонком», «Смерти чиновника» и множестве

О детстве своем он вспоминал как о самой мрачной поре жизни. В письме к своему старшему брату Антону Павлович с горечью замечает: «Деспотизм и ложь исковеркали наше детство до такой степени, что тошно и страшно вспоминать».

В 1889 г., когда Чехову исполнилось 20 лет, т. е. в то время, как он уже завоевал славу одного из крупнейших писателей, Антон Павлович в дружеском письме к приятелю изложил краткую историю своей прошлой жизни и указал главнейший смысл ее содержания.

«Напишите-ка рассказ о том, — читаем мы в этом письме, — как молодой человек, сын крепостного, бывший лапочник, певчий, гимназист и студент, воспитанный на чинопочитании, ценовании поповских рук, поклонении чужим мыслям, благодаривший за каждый кусок хлеба, много раз сеченный, ходивший по урокам без калош, дравшийся, мучивший животных, любивший обедать у богатых родственников, лицемеривший и богу и людям без всякой надобности, только из сознания своего ничтожества, — напишите, как этот молодой человек вываливает из себя по каплям раба и как он, проснувшись в одно прекрасное утро, чувствует, что в его жилах течет уже не раба кровь, а настоящая, человеческая».

Чехов не назвал в письме имени этого «молодого человека», но это он сам, это его жизнь.